

Темпоральность как смыслообразующий фактор в процессе текстовой коммуникации

© кандидат филологических наук С.А. Борисова, 1997

Художественный текст реально выступает средством коммуникации, основой интра-социального диалога разных поколений лингвокультурной общности, так как аккумулирует в себе знания, детерминированные эпохой и культурой. Изменения в структуре социального знания также фиксируются в текстах и проявляются в процессе текстовой коммуникации, которая, в свою очередь, способствует сохранению языковых и культурных традиций носителей языка. Проблема адекватного понимания содержания текста читателем любого поколения актуальна и важна потому, что носители языка в процессе текстовой деятельности взаимодействуют с текстами, созданными не только в недавнем настоящем, но и в далеком прошлом, отображая характерные для него особенности. Подобные тексты могут рассматриваться как элементы другой (отличной от существующей в настоящий момент) культуры, а их авторы и предшествующие современному поколению носители языка как представители иного социума. Коммуникация, происходящая при посредничестве подобного типа текстов, выступает как частный случай *межкультурного*, но, в то же время, *интра-социального* диалога.

Художественные тексты как темпорально-культурологические символы самостоятельно функционируют в панхронии, перемещаясь во времени и пространстве культуры, коррелируют с текстами, созданными в другие хроно-периоды, выступают элементами широкого культурного контекста. Как высшее коммуникативное целое текст существует и как закрытая, и как открытая система. «Тело» текста, его графическое изображение не изменяется во времени, оно существует как материальный объект в определенных параметрах *вне* сознания воспринимающего субъекта. Содержание текста актуализируется в языковом/речевом сознании реципиента/интерпретатора во время текстовой коммуникации. При этом происходит изменение объема информации, передаваемого текстом: в этом смысле текст — открытая система.

Тот факт, что сознанию субъекта присуща темпоральность [см. Гуссерль, изд. 1994], дает возможность реципиенту реально оценивать временную структуру объектов, в том числе и текста, совершать «переходы во времени» в ходе текстовой коммуникации. В результате таких

трансценденций создается “эффект присутствия” множества объектов, которые в пространственном, временном и социальном значении отсутствуют в момент “здесь-и-сейчас” (в момент коммуникации), но могут быть восстановлены с помощью средств темпоральности, выступающих как временные маркеры. Для нас темпоральность — “семантическая категория, отражающая восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета” [Бондарко 1990,5]. Именно потому, что язык художественного текста детерминирован эпохой, художественное время сближает людей разных временных периодов.

Каждое новое поколение носителей языка оказывается в пространстве уже существующих предметов, определенным образом названных. Еще В. Гумбольдт отмечал, что “даже отдаленное прошлое все еще присутствует в настоящем — ведь язык насыщен переживаниями прошлых поколений и хранит их живое дыхание” [1984,82]. В духе Гумбольдта М.М. Бахтин выдвинул концепцию, согласно которой язык является миропониманием, специфичным для данной культуры способом словесного осмысления мира. “Социальный кругозор” в бахтинском понимании означает определенную культурную установку, ту область “значений”, которая отведена индивидуальному сознанию субъекта данной эпохой и культурной ситуацией. Согласно М.М. Бахтину, приблизиться к культуре — значит вступить в диалог социальных языков, которые конципировали предметный мир и предопределили внутреннюю жизнь сознания субъекта. Культура социума и язык как форма ее проявления непрерывны во времени: всякое речевое высказывание выступает как дискретный момент непрерывного речевого общения. В таком контексте процесс чтения рассматривается как речевая процессуальность, в ходе которой через интерпретацию воспринимаемого текста, реципиент “узнает” авторский мир, а сам текст является местом встречи бытия автора и читателя, местом пересечения их сознаний в пространстве текстовой реальности. В результате такой “встречи” у читателя появляется индивидуальная проекция текста [о ней см. Рубакин 1929].

Понимание текста как посредника во внутрикультурной и межкультурной коммуникации согласуется с бахтинской концепцией диалогизма, предусматривающего продуктивную незавершенность смыслов в истории культуры, позволяющую связать трансцендентный момент в индивидуальном познании с реальным миром и историей — будь это диалог с современником или с другой эпохой. В случае текстовой коммуникации в качестве “собеседника” (“другого”) выступает автор, ми-

роощение которого воплощено в тексте. “Встреча” читателя/интерпретатора с текстом (а через него опосредованно и с автором) всегда происходит в синхронии, в момент смысловой перцепции, когда содержание текста непосредственно раскрывается представителю того или иного поколения. Текстовая проекция/интерпретация представляет собой продукт речемыслительной деятельности носителя языка в “снятый” синхронический момент, выступает как диалогическая реакция на воспринятый текст. Уникальность мировосприятия каждого человека проявляется в уникальности его ментальной картины, формирование которой происходит под влиянием многих факторов — в том числе и темпоральных- или, иными словами, под влиянием “хронопространства” культурного контекста социума.

Для рассмотрения проблемы смыслового восприятия художественных текстов в условиях различных хроно-культурных контекстов мы считаем возможным использовать следующие понятия: “синхрония”, “диахрония”, “панхрония”, “текущее время” и “остановившееся мгновение”. С образом-понятием “текущего времени” соотносится весь период “жизни” текста, все его “переходы” из одного хроно-культурного пространства в другое. В то же время “остановившееся мгновение” есть любая из многочисленных проекций текста, созданных читателями разных поколений в результате “общения” с ним в синхронии. Иными словами, проекции текста, полученные от одного поколения читателей, и есть “жизнь” текста в синхронии во всем ее многообразии, в то время как множество проекций текста, полученных за все периоды “встреч” с читателями, та смысловая аранжировка, которая характерна для каждого отдельного хроно-культурного периода, есть “жизнь” текста в диахронии. Таким образом, диахрония речевой процессуальности может быть представлена как “диахрония синхронных состояний” [см. Г. Гийом, изд 1992], как система последовательных фиксаций восприятия текста читателями в каждом временном периоде в синхронии:

Рис. 1.1

мгновение	социо-культурный контекст
синхрония	Текст 1 - фрагмент 1 (проекции 1,2,3,...n)
синхрония	Текст 2 - фрагмент 2 (проекции 1,2,3,... n)
синхрония	Текст 3 - фрагмент 3 (проекции 1,2,3,...n)
синхрония	Текст n - фрагмент _n (проекции n ₁ ,n ₂ ,n ₃ ... n _n)

Каждая последующая система является продолжением и развитием предыдущей, “приобретая” новую, характерную только для нее кон-

фигурацию. В каждом новом фрагменте социо-культурного контекста сохраняется часть предыдущего, что обеспечивает сохранение культурных ценностей этноса, взаимопонимание и коммуникацию поколений. Таким образом, художественный текст реально выступает как хроно-культурный символ, как отображение дискретного состояния языкового сознания, менталитета лингвокультурной общности в целом, так и отдельных ее представителей в частности.

Но насколько близки или различны ментальные картины художественных текстов, отображающих те или иные хроно-культурные периоды социального бытия? Возможна ли адекватная интерпретация и понимание их инновременными читателями и при каких условиях? Ответы на эти и другие вопросы важно получить потому, что они объясняют, как и в какой мере наследуются культурные фрагменты, что и почему теряется, какие изменения происходят в менталитете и в языковом сознании индивидов и социума в целом.

В каждый дискретный момент в панхронии культуры существуют множество художественных текстов, являющихся темпорально-культурными символами разных хроно-пространств, и чаще всего восприятие их реципиентом происходит за пределами временного периода, репрезентируемого текстом. Знаковое пространство текста существует для каждого читателя в период прочтения, в период текстовой коммуникации, который мы назвали *коммуникативным временем*. Рассматривая проблему возникновения множественности смысла в процессе интерпретации читателем текста, понимаемого как “символический дискурс”, П. Рикер [1995,142] уделяет большое внимание времени и его роли в интерпретации, определяя ее как “место сцепления двух времен — прошлого и настоящего”. Следовательно, читательская проекция художественного текста реально выступает результатом “сцепления” коммуникативного времени реципиента и сюжетного времени текста.

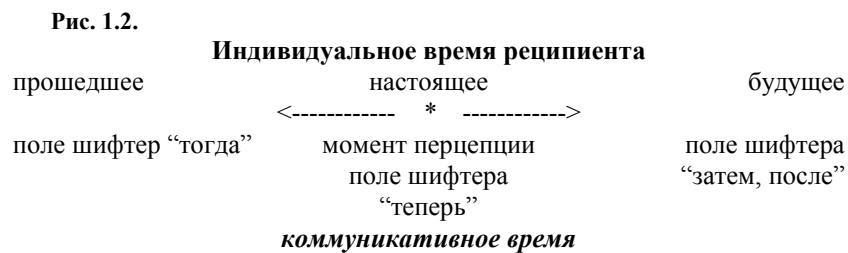
Художественный текст (языковой знак) соединяет различные зоны реальности — текстовую и повседневную, частью которой является реципиент. Реальность повседневной жизни [Бергер, Лукман 1995] организуется вокруг “здесь” носителя языка и “сейчас” его настоящего времени. В процессе смыслового восприятия (коммуникативное время) реципиент идентифицирует маркеры темпоральности, синтезируя темпоральное поле своей проекции художественного текста. Отечественные специалисты по теории информации и ее использованию применительно к произведениям искусства особо отмечают влияние и роль темпораль-

ного фактора в появлении множества интерпретаций текста или “текстуальной полисемии” [о ней см. Рикер 1995]: “поскольку значение тому или иному знаку, в том числе и тексту, придается автором индивидуально при создании художественного произведения без согласования с потенциальными реципиентами как в синхронии, так и в диахронии, то со временем под влиянием социума значение этого знака будет претерпевать изменения, и маловероятно, что одно и то же произведение будет “расшифровано” и понято двумя разными людьми одной эпохи одинаково” [Бирюков, Геллер 1973, 287].

Полагаем, что темпоральное поле любого текста — и авторского варианта, и его читательской проекции — детерминировано одним из временных шифтеров: “тогда” (для выражения прошлого), “теперь” (для выражения настоящего) [о них см. Якобсон 1972], — а также принятыми нами по аналогии в качестве таковых слов “затем, после (настоящего)” — для выражения будущего времени, и “всегда” — для обозначения ситуации всевременности. Временной шифтер — это генерализированное понятие (доминантное слово) для группы временных маркеров, характеризующих тот или иной временной диапазон (t-диапазон).

Именно шифтеры “отвечают” за формирование темпоральных отношений в системе “текст-реципиент”, выступая как *темпоральные операторы*, которые “направляют” сознание реципиента в то или иное хронопространство и способствуют возникновению *темпоральной доминанты*. “Доминанта” характеризуется А.А. Ухтомским [см. Ухтомский 1966] как господствующий очаг возбуждения, суммирующий одни импульсы в центральной нервной системе и одновременно гасящий и подавляющий активность других центров. Темпоральная доминанта рассматривается нами как компонент эмоционально-смысловой доминанты [о ней см. Белянин 1992]. Темпоральная *доминанта*, возникающая в процессе смыслового восприятия, указывает на состояние воспринимающей системы, а в нашем случае — на темпоральный диапазон языкового/речевого сознания реципиента, который детерминирован одним из временных шифтеров. Темпоральная доминанта оказывает непосредственное влияние на процесс смыслового восприятия и интерпретации реципиентом текстовой реальности, способствует “отбору” из нее лишь такого содержания (текстовые символы, опознаваемые как временные маркеры определенного t-диапазона), которое способствует ее подкреплению. Она также блокирует поступление сигналов от маркеров, если они не соответствуют t-диапазону формирующейся текстовой проекции.

В художественном тексте автор обычно отображает знакомую ему реальность и выбирает в этих целях наиболее подходящие, с его точки зрения, языковые средства, смысл которых ясен и ему, и его современникам, для которых чаще всего и создается произведение. Когда текст выходит за пределы своего “здесь-и-сейчас” и “встречается” с реципиентами, принадлежащими к иному хроно-культурному пространству, восприятие его темпорально-смыслового поля может быть затруднено в силу возможного отсутствия и в общественном, и в индивидуальном языковом/речевом сознании субъектов некоторых темпоральных характеристик текстовых символов или их смысловых особенностей. Непосредственное взаимодействие составляющих, входящих в систему “текст-реципиент”, происходит в момент текстовой коммуникации, в то коммуникативное время, которое мы соотносим с темпоральным шифтером “теперь”. Именно в коммуникативном времени реципиент осуществляет “идентифицирующий синтез” временной “рамы” своего речевого произведения. Соотношение временных диапазонов внутри индивидуального времени реципиента в момент текстовой коммуникации может быть представлено следующим образом:

Момент перцепции отмечен на схеме точкой условно, ибо “настоящее время” — это не время какого-то отдельного действия субъекта, а некоторый неопределенный период его индивидуального настоящего” [Бондарко 1990,21].

Временной шифтер “теперь” — это совокупность маркеров, характеризующих период настоящего времени и являющихся базовыми составляющими темпоральной доминанты в начале текстовой коммуникации. Языковое/речевое сознание соотносит ощущение реципиентом своего “теперь” с элементами выраженного символическим способом темпорального поля воспринимаемого текста. Временной шифтер “теперь” подразумевает “мир, частью которого являюсь я, говорящий это” [см. Wierzbicka A.,1980]. Следовательно, если реципиент интерпретиру-

ет время текстовой реальности как совпадающее с его индивидуальным настоящим, с его ощущением “я-здесь-и-сейчас”, то он констатирует одновременность своего бытия (своего настоящего) с темпоральным полем текстовой реальности. Следствием доминирования в языковом/речевом сознании реципиента временного шифтера “теперь” является текстовая интерпретация типа “синхрон.” Настоящее время бытия реципиента и темпоральное поле воспринимаемого текста в момент текстовой коммуникации соотносятся следующим образом:

тип текстовой проекции: **“синхрон”**
t-реципиента/интерпретатора= t-текстовой реальности
(индивидуальное настоящее)

Временной шифтер “тогда” указывает на ”некоторый мир, который имел место до мира, частью которого являюсь я, говорящий это”. В этом случае события текстовой реальности воспринимаются субъектом как имеющие место *за пределами* диапазона “теперь”; текст осознается и воспринимается как символ другого времени, прошлого, которое объективировалось в нем. Текст “пришел” в настоящее из прошлого, “прошел сквозь время” (*dia chronos*). Проекция этого типа позволяет характеризовать исходный текст как “диахрон”: в нем время текстовой реальности *предшествует* коммуникативному времени реципиента (его настоящему):

тип текстовой проекции : **“диахрон”**
t-реципиента/интерпретатора > t-текстовой реальности
(индивидуальное настоящее)

Третий вариант формирования темпоральных отношений в системе “текст — реципиент/интерпретатор” предполагает отображение реципиентом в своем речевом произведении будущего, мыслимого как *возможный* мира, который *последует* за настоящим миром реципиента (шифтер “теперь”). В этом случае в качестве доминирующего выступает временной шифтер “затем, после (настоящего)”, в русле которого формируется проекция/интерпретация типа “футурохрон”:

тип текстовой проекции : **“футурохрон”**
t-реципиента.интерпретатора < t-текстовой реальности
(индивидуальное настоящее)

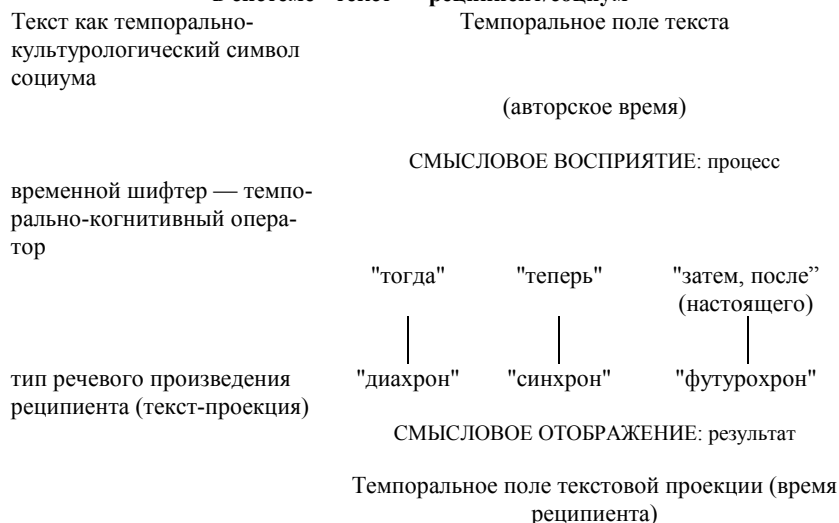
Таким образом, речевые произведения реципиентов (проекции текста) формируются в одном из трех временных диапазонов: настоящее-

го, прошедшего или будущего времени — как результат доминирования в процессе текстовой коммуникации одного из временных шифтеров и типологизируются следующим образом: “синхрон” (шифтер “теперь”), “диахрон” (шифтер “тогда”), “футурохран” (шифтер “затем, после (настоящего)”). Возможен и четвертый вариант формирования темпоральных отношений для обозначения ситуации всевременности (шифтер “всегда”), которая может рассматриваться как частный случай реализации настоящего времени.

Рассмотрим модель “работы” временного шифтера как “регулятора” темпоральных отношений в системе “текст-реципиент/социум” в процессе смыслового восприятия темпорального поля текста:

Рис. 1.3.

Временной шифтер как "регулятор" темпоральных отношений в системе "текст — реципиент/социум"

В результате проведенного нами психолингвистического эксперимента [о нем см. Борисова 1996] было установлено, что темпоральное поле одного и того же художественного текста воспринимается и оценивается реципиентами как принадлежащее к разным временным диапазонам. Причем, феномен *темпоральной вариативности* проекций текста наблюдается как у реципиентов одного поколения (на синхроническом уровне в каждой из групп 80-х и 90-х гг.), так и при сравнении проекций

реципиентов разных поколений между собой (на диахроническом уровне). В целях выявления степени влияния времени и социо-культурного контекста на процесс смыслового восприятия художественного текста нами было проведено две экспериментальные серии, в ходе которых реципиентам предлагались два текста — отрывок из романа Н. Саррот “Золотые плоды” и отрывок из “Поэмы без Героя” А.А. Ахматовой. Анализ результатов обеих серий показал, что проекции текста действительно относятся к различным темпоральным типам: “синхрон”, “футуротрон”, “панхрон” выявлены в первой серии эксперимента, а тип “диахрон” — во второй. Таким образом, подтвердилась гипотеза о вариативности восприятия темпорального поля текста реципиентами одного поколения (90—е гг.). Для сравнительного анализа и выявления темпоральной вариативности в диахронии нами использовались некоторые данные эксперимента, проведенного в 80-е годы также на материале отрывка из романа Н. Саррот “Вот оно” [см.: Наумова 1986]. Дополнительно в соответствии с целью эксперимента мы проанализировали темпоральные поля текстовых проекций реципиентов 80-х годов и установили, что они как и у реципиентов 90-х годов относятся к разным хронопространствам. Таким образом подтвердилась важная роль хронокультурного контекста и его реальное влияние на формирование общественного и индивидуального сознания и процесс смыслообразования, на характер речемыслительной деятельности носителей языка, о чем свидетельствует разнообразное множество проекций одного текста, принадлежащих разным поколениям реципиентов.

С точки зрения темпоральности, текстовые проекции реципиентов 80-х годов классифицированы нами как “футурохран” и “панхрон”, проекции типа “синхрон” отсутствуют. В то же время около 20% реципиентов 90-х годов указали, что текст отображает современную им действительность, повествуя о “новых русских”, “о крутых”, “о журналистах, которые не остановятся ни перед чем в погоне за сенсацией”, “о тех, у которых есть все, и о тех, у которых ничего нет”, “о современной жизни в России”... Проекция текста этих реципиентов относится к типу “синхрон”, они свидетельствуют о реальном участии хроно-социокультурного контекста в процессе смыслообразования. Одна проекция 90-х гг. сформирована как “футурохран”, то есть автор полагает, что действие происходит в будущем — в 2059 году. Остальные текстовые интерпретации отнесены нами к темпоральному типу “панхрон” (временной шифтер “всегда”): текстовая реальность оценивается реципиентами как всевременная, она панхронична.

Кроме темпорально-смысловой вариативности в текстовых проекциях реципиентов 80-х и 90-х гг. выявлены также изменения эмоциональной оценки текста. Современные реципиенты положительно оценивают предложенный для чтения текст, считают, что он интересный, оригинальный, заставляет думать, яркий и даже ироничный, хотя представляется трудным для восприятия в силу абстрактности и несвязности, в то время как в 80-е годы [см. Наумова 1986] реципиенты оценивали его или отрицательно, или не принимали совсем, что выражалось в нежелании и отказе от работы с текстом (до 30 % испытуемых). Повидимому, современный социум способствует переструктурированию/речевого сознания реципиентов, которое уже не отвергает семантически разорванный текст, пытается работать с ним, привнося в текстовую проекцию элементы социо-ментальной картины мира реципиентов.

Темпоральная вариативность является частным проявлением феномена множественности проекций текста, “текстуальной полисемии”, которая объясняется различными факторами: несовпадением “мысленного поля” реципиента и “мыслимого мира” автора [см. Сорокин 1991,52], различными типами сознания, соответствующими типу личности и типу текста [см. Беянин 1985, 1988], объемом индивидуального знания [см. А.А. Залевская 1992], состоянием личностного тезауруса [Дридзе 1976,202], а также разнообразием средств, используемых автором для отображения временного плана текста. Несомненно, что наличие в языковом/речевом сознании реципиента и автора сходных темпоральных характеристик, представленных в тех или иных текстовых символах, способствует адекватному восприятию информации.

П. Рикер отмечает, что “упорядоченная полисемия принадлежит панхронической сфере: одновременно синхронической и диахронической, в той мере, в какой история проецируется на состояния системы, которые отныне представляют собой лишь мгновения в процессе смысла, в процессе наименования” [Рикер 1995,146]. Причиной “текстуальной полисемии” в сфере диахронии является временная дистанция, отделяющая автора текста от читателя. Именно она оказывает влияние на процесс интерпретации реципиентами символов авторского дискурса, “путешествующего” во времени и пространстве. Амбивалентность семантики языка художественного текста, использование словесных знаков в их вторичном значении П. Рикер рассматривает как причину множественности интерпретаций, считая понимание многозначных выражений моментом самопонимания, в котором семантический и рефлексивный план дополняют друг друга. “Я-интерпретация” формируется как результат хронологически определенной направленной рефлексии —

дешифровки символов: без рефлексии семантика “повисает в воздухе” [Рикер 1995,15]. Рассматривая рефлексивную связь между пониманием знаков и самопониманием, П. Рикер видит цель интерпретации в преодолении временной дистанции между минувшей культурной эпохой, символом которой выступает текст, и интерпретатором (читателем). При этом адекватная интерпретация и понимание “символического дискурса” реципиентом полагается возможным лишь в силу глубины *самопонимания*, которое соотносится с процессом/результатом направленной рефлексии интерпретатора на текст — на его темпоральные и смысловые поля. Мы, в свою очередь, соотносим направленную рефлексивную связь с процессом идентифицирующего синтеза реципиентом темпорального поля собственной проекции воспринятого текста, результатом которого выступает понимание/непонимание реципиентом смысла воспринимаемых элементов “символического дискурса”. В случае положительного результата — понимания текста (и автора) — расширяется поле самопонимания интерпретатора.

Фактор временной удаленности читателя от автора текста является одной из причин непонимания письменных сообщений, он реально выступает как смыслообразующий фактор при формировании проекций текста разными поколениями реципиентов. Исследуя роль времени в процессе познания, И. Кант [изд. 1964] определил его как форму творческого процесса *конструирования предмета познания* (как форму синтеза). В процессе интерпретации текста реципиент “строит” свою “конструкцию смыслов”, что можно представить следующим образом:

Рис 1.4.

Различные интерпретации/проекции “символического дискурса” как виды рефлексии отображают не только особенности языка и менталитета каждого поколения носителей языка, но и — большей или меньшей степени — общую часть социального знания, которая выступает как сигнальная наследственность и способствует коммуникации — диалогу поколений. Автор и читатель “встречаются” во времени и пространстве: процесс чтения текста (коммуникативное время) выступает как момент, а текстовое пространство — как место этой “встречи”. Именно в коммуникативном времени происходит “общение” их сознаний, процесс познания реципиентом текстовой реальности.

В результате сравнения данных психолингвистических экспериментов, проведенных в 80-е и 90-е годы выявлено, что влияние хронокультурного контекста в большей степени обнаруживается в речевых произведениях тех реципиентов, языковое/речевое сознание которых в процессе смыслового восприятия “следует” малоэффективной синтетической стратегии (тип проекции “от себя/от социума”). В подобных проекциях отображаются смысловые привнесения, характерные именно для того временного периода, в котором проходит процесс смысловой перцепции. В том случае, если языковое/речевое сознание носителя языка использует высокоэффективную синтетическую стратегию смыслового восприятия, смысл символов, составляющих темпорально-смысловое поле авторского текста, интерпретируется в русле авторской концепции, независимо от характерных для данного времени смысловых стандартов социума (тип проекции — “от автора”). “Применяя” аналитическую стратегию смыслового восприятия, реципиент в целом следует смысловым установкам автора, допуская некоторые собственные смысловые привнесения, которые, однако, не должны искажать целостную смысловую картину текста (тип проекции — “от автора*/от себя”) [о типах проекций см.: Наумова 1986].

Количественный анализ результатов текстового обследования реципиентов 90-х годов показывает, что только 28% современных носителей языка интерпретируют воспринимаемое произведение, сохраняя полностью (3%-6%) или частично (22-25%) темпорально-смысловое поле оригинала, что обеспечивает адекватное понимание прочитанного; в то же время 72% современных читателей интерпретируют текст по типу “от себя”, по жесткому варианту следования стереотипу, сложившемуся в своем прошлом опыте. Сравнение результатов психолингвистических экспериментов, проведенных в 80-е и 90-е годы, выявило неизменную в количественном отношении группу реципиентов (3-6%),

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1997. Вып. 1. - 192 с.

которая воспроизводит текст по типу “от автора”, то есть независимо от смысловых установок хроно-культурного пространства социума.

Л и т е р а т у р а

1. *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986.
2. *Белянин В.П.* Психолингвистическая типология художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. 1992.
3. *Борисова С.А.* Установление темпоральных отношений в процессе взаимодействия носителя языка с текстовой реальностью (по данным текстового обследования). // Лингводидактические аспекты повышения профессиональной иноязычной компетенции: теория и практика. Ульяновск: фМГУ, 1995. С. 124-137.
4. *Борисова С.А.* Восприятие темпоральной структуры текста (на материале психолингвистического эксперимента): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Ульяновск: фМГУ, 1996.
5. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992.
6. *Гуссерль Э.* Собрание сочинений: т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. [Пер. с нем. / Под общей ред. и со вступ. ст. *В.И. Молчанова*]. М.: РИГ “Логос”: “Гнозис”, 1994.
7. *Наумова О.Д.* Объектный мир речевой коммуникации и систематизация психолингвистических понятий: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1987.
8. *Залевская А.А.* Индивидуальное знание: Специфика и принципы функционирования. Тверь: Изд-во ТвГУ, 1992.
9. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. [Перевод]. М.: Моск. филос. фонд и др., Изд. “Медиум”, 1995.
10. *Рубакин Н.А.* Психология читателя и книги: Краткое введ. в библиолог. психологию. М.: Книга, 1977.
11. *Тураева З.Я.* Категория времени. Время грамматическое и время художественное: на материале англ. яз. М.: Высш. школа, 1979.
12. *Мостепаненко А.М.* Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. Л.: Наука, 1969.
13. *Jakobson R.* Shifters, verbal categories, and the Russian verb. // (Cambridge, Mass.) Russian language project. Dep. of Slavic languages and literatures. Harvard Univ., 1957.
14. *Wierzbicka A.* Lingua mentalis. The Semantic of natural language. Sydney: Academic Press, 1980.